

ОКРОВАВЛЕННЫЯ НОЧИ.

Бываютъ, какъ ножъ, изощренныя, какъ пламя, палящія ночи,
Въ назначенный часъ обагреныя на западъ жертвенной кровью.

Жестоки мгновенья безсонныя, минуты забвенья—жесточе...
Видѣнья, во мглѣ озаренныя, склоняютъ лицо къ изголовью,—

Видѣнья, въ виссонѣ облаченныя, въ лучахъ золотыхъ сторочій,
Но раны, въ високъ нанесенныя, у вѣкъ не закрыты надъ бровью.

Лепечутъ признанья смущенныя, и молятъ, что мигъ, то короче,
И близятъ уста распаленныя, и требуютъ ласкъ по условью.

Отвергнуть мольбы, повторенныя, въ бреду; нѣтъ ни воли, ни мочи.
И нивы, въ снѣгахъ погребенныя, вдругъ свѣжей колышатся новью.

Какъ будто міры сокрушенныя вновь ищутъ своихъ средоточій,
Иль рѣки, подъ вихремъ взмущенныя, пытаются хлынуть къ вер-
ховью.

И молятъ, и манятъ—влюбленные, соблазномъ зажженныя очи
И чувства, давно умерщвленныя, преступной пылаютъ любовью.

О, вы, какъ клинки, изощренныя, какъ пламя, палящія ночи,
Вы, въ страшномъ быломъ обагреныя во-вѣкъ не стираемой
кровью!

Валерій Брюсовъ.